

15952K

ГЕННАДИЙ ГОРБУНОВ

**Д. А. ФУРМАНОВ
В ИВАНОВЕ**

ОГИЗ • ИЗГИЗ • 1944

60

А. 58-051.

891.71

ГЕННАДИИ ГОРБУНОВ

Д. А. ФУРМАНОВ
В ИВАНОВЕ

-- 2010

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1944

с. 44. 58-051/15.952к

54

1954

1948

ОГЛАВЛЕНИЕ

Митяй	3
Наташа	7
Брат милосердия	13
На распутьи	18
С пером и винтовкой	28

Редактор А. И. Орлов.
Обложка худ. И. Т. Колочкова.

Подписано к печати 18/IV 1944 г. КЕ 16382. Печ. л. 3. Уч. изд. л. 2,8.
В печ. л. 38160 тип. зн. Тираж 5000 экз. Цена 1 р. 40-к.

Типография изд-ва Ивановского областного совета депутатов трудящихся,
г. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 6929.

Д. А. ФУРМАНОВ.

МИТЯЙ

Середа — грязное, полунищее село бывшей Костромской губернии. Тяжела и однообразна была здесь жизнь: один день похож на другой, и казалось впереди нет просвета.

Глухой осенью, 25 октября 1891 года, в этом селе родился Дмитрий Фурманов. Жизнь неласково встретила будущего писателя, обернувшись к нему самой неприглядной стороной. Она не подарила ему «счастливую, невозвратимую пору детства», и Дмитрий Фурманов мало что мог рассказать отрадного и светлого о своих ранних годах.

«Я свое раннее детство помню в жалких обрывках», — писал Фурманов в автобиографии. Немногим больше он записал по этому поводу и в дневник: «Смутно помню жизнь в 6—7 лет, когда был я заводиловкой всех драк. Не раз доставалось мне от отца, который был чрезвычайно крут — били меня нещадно».

К ранним впечатлениям детства относится переезд семьи из Середы в Иваново-Вознесенск. Отец Фурманова, Андрей Семенович, был безлошадный, бездомный, многодетный крестьянин. Когда родился Митя, много прибавилось забот. Надо было работать, выбиваясь из последних сил, чтобы кормить семью, платить за квартиру и вдобавок еще прислуживать трактирщику Милову, у которого в двух комнатных ютились Фурмановы. Андрей Семенович нервничал, порой срывал злобу на жене и детях: это был искалеченный жизнью человек. Ему хотелось вывести детей в люди, но нищета разрушала все замыслы. Оставаться в доме Милова — значило обречь себя и детей на верную гибель. И Андрей Семенович в 1897 году, когда Мите исполнилось шесть лет, со всей семьей едет в Иваново-Вознесенск. Открытая им небольшая чайная почти не давала доходов. Дела шли плохо, Андрей Семенович залезал в долги. Осенью 1913 года он умер. Мать Дмитрия Андреевича, Екатерина Васильевна, распродала последний домашний скарб, так как к ней являлись темные дельцы, требуя уплаты долгов, и доверчивая женщина отдавала им все, что только можно было отдать.

Глубокой грустью и печалью проникнуты воспоминания Фурманова о родителях. Правда, по первым детским впечатлениям отец представлялся ему «чрезвычайно крутым», но позднее он понял, какие тяжелые испытания достались на долю этому изломанному жизнью человеку. Трудлюбие и безупречную честность своих родителей сын не только высоко ценил, но и прочно унаследовал, и это спасло Дмитрия Андреевича в самые критические моменты его жизни.

Зная, как незадачливо и трудно жилось родителям, Дмитрий Андреевич горячо и нежно любил их, о чем красноречиво говорят впервые публикуемые в настоящей работе письма.

20 ноября 1914 года он написал матери письмо, полное самых искренних, трогательных чувств:

«Здравствуй, милая мама!

Год назад умер папа. Помню, как приехал я к нему — умирающему, все помню, до последнего движения, до последнего вздоха. Окружили мы его всей семьей, с минуты на минуту ждали последнего вздоха. Какой он лежал изможденный, худой — даже теперь как-то жутко вспомнить. Не понял я только, да и теперь не могу припомнить и понять, — узнал он меня тогда или нет. Ведь сами мы подняли его слабую руку, а он едва ли уже понимал, что с ним делали... Помню, как кричал я ему: «Папа, папа! Митя приехал, я приехал!» Но ничего он мне тогда не ответил, только что-то невнятно и глухо проговорил в ответ... Если только он узнал, — это мне будет лучшим утешением и самым дорогим воспоминанием о последних днях его жизни».

Вслед за этим осенью того же года он отправил матери еще письмо:

«Дорогая, милая мама!

Захотелось приласкаться, прижаться к Вам поплотней, чтобы ощутить и материнскую ласку и общую нашу семейную любовь. Нападет вот такая минута, что почувствуешь себя вдруг одиноким, куда-то заброшенным... Грустно делается. Слезы выступают на глаза... Что тут делать, чем помочь? Ничем не поможешь, все переживется само собой, все перестрадается и уляжется со временем... Но теперь-то, теперь-то вот тяжело... Пишу и мыслю весь с Вами. Вижу дорогие лица, слышу голоса. Но тряхнешь головой, и сон пропадает: снова один, снова пусто кругом, одиноко... Итти бы теперь на родную могилку, под зеленые, кудрявые тополя; упасть бы на колени перед дорогим прахом и молча перестрадать свое горе у его зеленой могилки. В душе длинной вереницей тянутся прошлые дни. Оживает дорогой образ, и

снова мы вместе — все вместе, всей семьей. Он среди нас, лицо радостное, душа спокойна и довольна... Ведь он только и любил, только и ждал, когда вот соберутся все, когда он будет говорить, то с тем, то с другим. Вся радость была в этом... И так рано, так скучно покинул он нас: в глухую осеннюю пору, когда осыпались деревья, падали шумно увядшие желтые листья и грустно, до боли грустно кружились по земле. И он увял, как осенний лист.

Унесли, похоронили и не стало дорогого, любящего папы, вечного труженика, сгорбленного, поседевшего работника... засиротели мы, поникли все как-то грустно... Это было в ненастную осеннюю пору.. Все уходило, все умирало... ушел и он... Покойся, благородная, чистая душа... Помянул вот дорогую память — и легче стало, словно и вправду побыл у него на могилке...

Все пережил, все вспомнил разом, и разоренное наше гнездо... Прощайте, посылаю Вам свою любовь и теплую ласку».

Фурманов рос человеком с пытливым, критическим умом, человеком, наделенным большой наблюдательностью, взволнованными чувствами и фантазией.

Митяй! — так звали Дмитрия Андреевича и те, кто дружил с ним в детстве на иваново-вознесенских пыльных улицах, и те, кто был близок к нему на фронтах гражданской войны, и те, кто встречал его на писательском поприще в Москве. Имя это как-то особенно шло к Фурманову, жизнерадостному, отзывчивому человеку, с живыми, пронизательными глазами и ярким румянцем на щеках.

С детских лет возникла у него мечта стать писателем. С жадностью читает Митяй книги, особенно фантастические. Майн-Рид, Жюль-Верн и Конан-Дойль становятся его любимыми авторами; фантастические образы завладели его детским умом, разжигая любознательность и впечатлительность. Любил Фурманов читать и русских классиков — Тургенева, Толстого, Григоровича. Особенно нравился ему «Антон Горемыка» Григоровича; не раз перечитывал он эту книгу и проливал слезы над судьбой горемычного героя.

С одиннадцатилетнего возраста Митяй начал вести дневник, занося туда все, что казалось ему занимательным и интересным. Теперь, когда перелистываешь эту пожелтевшую от времени летопись Митяя, находишь в ней и беглые заметки, и небольшие литературные зарисовки, и стихи. Одна из страниц дневника его юности начинается так: «Почему же мне не приняться и не написать повесть о себе! Я в душе поэт, я пишу стихи, люблю литературу, терзаюсь

за русский язык, очень ревную порою к нему приближающихся, но, повидимому, недостойных... На свое будущее я смотрю спокойно, мне думается почему-то, что я должен сделаться писателем — и обязательно поэтом».

Поэтом Дмитрий Андреевич не стал, хотя и писал стихи. Прозаик же из него вышел замечательный. Но произошло это не раньше, как через 20 лет после того, как впервые у Митяя зародилась мечта стать писателем.

Прежде чем созрел литературный талант и была написана прекрасная книга «Чапаев», Дмитрию Андреевичу пришлось пройти сложный, порой извилистый и мучительный жизненный путь: пережить сумятицу политических исканий, побывать на фронтах первой империалистической войны, стать славным комиссаром Чапаевской дивизии и только после этого занять почетное место в ряду советских писателей.

Юность Митяя полна больших перемен и бурных исканий. Жил ли он в Иваново-Вознесенске, учился ли в Кинешемском реальном училище, слушал ли лекции профессоров Московского университета, — его не покидала мысль найти свое место, стать наиболее полезным человеком, не покидало стремление понять цель и смысл жизни. Одно из его юношеских стихотворений (1914 г.) отражает эти внутренние искания мятущегося человека:

Я слишком поздно начал думать,
Полжизни прожил я в мечтах,
Труда упорного чуждался
И жил на рифмах и словах.
Я говорил, не уставая,
Я книги на лету глотал,
Но из узлов нерасторжимых
Ни одного не развязал...
Нет, нет, довольно... мыслью новой
Хочу я сердце оживлять,
Чтоб было мне за что поспорить,
Чтоб было мне за что страдать.

Едва ли ошибочно будет сказать, что жизнь Фурманова в дореволюционный период прошла под знаком двух последних строчек приведенного стихотворения. Не связанный еще с революционным движением, не знакомый с марксистской литературой, он проходил по жизненному пути ошупью, мучительно досадуя на сделанные ошибки и восторженно радуясь при приближении к истине.

В друзьях детства и юности Митяй недостатка не знал, но мало кто из них оставил сильное впечатление, а тем более

мог бы оказать на него влияние. Единственным другом юности была дочь иваново-вознесенского брендмейстера Наташа Соловьева, с которой в течение многих лет у Дмитрия Андреевича укрепились самые светлые, дружеские связи. Познакомившись с историей этой юношеской дружбы, мы еще яснее почувствуем все обаяние Фурманова, всю красоту его характера и творческого ума.

НАТАША

В новогоднюю ночь 1908 года в Иваново-Вознесенском приказчиьем клубе состоялся маскарад. Среди причудливых костюмов и масок выделялась простая, румяная, скромная девушка в ярком цветистом сарафане. В течение всего вечера она разговаривала и танцевала только со скромной красивой девушкой Наташей Соловьевой. Только в конце маскарада выяснилось, что в костюме крестьянки был Митяй.

Так произошло знакомство Дмитрия Андреевича Фурманова с Наташей, на долгие годы ставшей его замечательным другом, которому он спешил высказать свои сокровенные мысли. Семья Наташи приехала в Иваново-Вознесенск в 1907 году из г. Твери. Отец ее был любителем семейных вечеринок, на которых молодежь разыгрывала небольшие пьесы, пела романсы и песни, читала стихи. Скоро на вечеринках в доме Соловьевых стал появляться и Дмитрий Андреевич, оказавшийся общительным, живым собеседником, певцом, музыкантом, декламатором и прекрасным исполнителем небольших ролей в маленьких сценках. Друзья от души хохотали, когда Митяй играл чеховского дачного мужа или особенно удававшиеся ему женские комические роли. На вечеринки к Соловьевым почти всегда приходила молодая ткачиха, у которой был хороший голос; девушку часто просили петь, а Фурманов аккомпанировал ей на гитаре. Порой Митяй поднимался со стула, ерошил свои курчавые волосы и с горящими от волнения щеками начинал горячо декламировать. В то время он любил Рылеева, Никитина, особенно Надсона, главным образом те их стихотворения, в которых отчетливо звучали гражданские мотивы.

Встречи с Наташей скоро перешли в самые теплые, дружеские отношения. В оживленных беседах незаметно проходили длинные вечера. Наташа любила, когда Митяй, склонившись над книгой, читал ей то или иное произведение. Вместе они читали «В лесах» и «На горах» Мельникова-Пе-

черского; при чтении Митяй замечал: «Фленушка — это сильная натура; как замечательно ее изобразил Мельников-Печерский, а какой язык романа! Эта книга написана чисто русским языком».

Дмитрий Андреевич горячо любил свою родину, ее природу, язык, поэзию, музыку, людей, создавших материальные и духовные ценности. В то же время, как подлинный патриот, он тосковал, видя, как на его родине свило себе гнездо беззаконие, бесправие, видя нищету одних и богатство других. В долгих беседах с Наташей возмущенно говорил он о несправедливости государственного строя России, хотя тогда еще сам крайне смутно представлял себе, что нужно было сделать для счастья и процветания отчизны. Он жил лишь непосредственными впечатлениями, высказывал неясные мысли, обнаруживавшие, однако, пылливость юношеского ума. Насмотревшись на глупых выскочек, делавших себе карьеру при помощи денег, Дмитрий Андреевич с горькой иронией и мучительным сожалением говорил Наташе:

— Для жизни нужны золото и шпоры, без денег умица — дурак.

Часто звал он Наташу поехать вместе в Сибирь:

— Поедем туда: в Сибирь сосланы лучшие люди, которые многому научат нас, там и мы станем чище, да и наши скромные знания принесут добрую пользу. Ах, если бы ты знала, как мне хочется встречать людей твердых убеждений...

Поехать в Сибирь ему не удалось.

Окончив ивановскую торговую школу и желая продолжать учиться, Дмитрий Андреевич в 1910 году поступил в Кинешемское реальное училище (в 6-й класс), а Наташа вскоре уехала из Иванова в село Новинское в пяти километрах от г. Родники, где до 1916 года заведовала начальной школой и преподавала арифметику. Встречи стали реже, но горячее; началась частая переписка. Митяй посылал любимой девушке длинные письма, стихи, иногда целые рассказы; мечтательный юноша, он посвящал Наташе немало любовных стихотворений. Стихи эти интересны теперь не только как свидетели его душевных переживаний, но и как образцы поэтических занятий его молодости. Надо думать, придет такое время, когда литературное наследство Фурманова будет собрано и опубликовано. Приведем часть одного из больших его юношеских лирических стихотворений, попавших в наши руки. Оно послано Наташе 20 ноября 1913 года с припиской: «Напишите мне, дорогой друг, ведь Вы для меня всех ближе и дороже, я понял это лишь теперь, но понял до бо-

Д. Фурманов.
(Кинешма, 1910 г.).

ли. С каким нетерпением я буду ждать — один только я знаю».

Знать годы не сотрут живых воспоминаний, —
Они священной тайной в душу мне легли;
Живут они в борьбе, в тоске моих рыданий,
Живут они в туманной, призрачной дали.

Что б в жизни ни пришло, таинственной стезею, —
Не зная сам того, — иду я лишь к тебе:
Легла ты в жизни мне глубокой бороздою,
Ты ангелом пришла в изменчивой судьбе...

Как будто ты пришла затем, чтоб чашу горя
Веселою рукой, как фея, расплескать,
Как будто ты пришла затем, чтоб волны моря
В душе моей заставить биться и рыдать.

Я видел все с тобой, я все узнал с тобою:
И нежный запах роз и страшный рев волны,
Я видел листопады осенью глухою
И пробужденный мир красавицы-весны...

Умчаться бы скорей в безбрежные просторы
К замороженным феям, в царство красоты,
Или орлом взлететь на сумрачные горы
И стать перед лицом бездонной пустоты.

Но и в долине мира, в царстве ясной грезы
Из легкой и стыдливой молодой мечты
Смыкаются живые лепесточки розы
В знакомое лицо, в знакомые черты...

И жизнь моя полна твоим дыханьем чудным,
Во мраке ты зажгла мне яркую звезду.
Пахнула в душу мне ты вздохом полногрудным.
И я, замороженный, — внозь к тебе иду.

К тебе одной... Пойми: мне нет иной отрады,
Мне нет иной любви и новой красоты.
Как детские забавы, рушатся препрады,
И отвечают сны, как желтые листья.

И отвечает все... И быстро умирает...
Покорное могучей роковой судьбе.
Лишь с силой непонятной ясно расцветает,
Прекрасная, как сказка, дума о тебе.

Хотел бы я забыть, — но позабыть нет силы,
Хотел бы не любить, — напрасно... не могу.
И, как цветочек милый от родной могилы,
Я на душе тебя храню и берегу.

1 Юношеские стихи Фурманова слабы в отношении формы и в своей тематике явно отражают влияние Надсона. Тем не менее невозможно представить себе цельный и живой облик Дмитрия Андреевича, не обращаясь к его ранним стихотворным опытам, ибо они лучше позволяют судить о складе и характере мыслей и переживаний в дни его молодости. В стихах Фурманов часто жаловался на свой «неотверделый путь», на неясность своих жизненных целей, высказывал порывы к действию. Но эта неясность целей никогда не приводила его к мрачным выводам: выручало жизнелюбие. Так, стихотворение, адресованное Наташе (1913 год), он заканчивает гимном солнцу, олицетворяющему все светлое и живое:

Ты гори, гори, солнце ясное,
Путь мой радостью освещаючи.
Я люблю тебя за любовь твою,
За огонь лучей в утро майское.

В каникулы Фурманов уезжал в село Новинское повидаться с Наташей. Это были лучшие дни отдыха: подолгу бродили по лесу, катались на лодке, вели длинные дружеские беседы. Митяй любил петь: иногда по утрам пел он арию Ленского о дне грядущем; у старой мельницы, на краю села, вспоминал арию князя из «Русалки». Бродя в окрестностях, с большой сучковатой можжевелевой палкой в руках и в широкой соломенной шляпе, он напевал задушевные русские народные песни.

Одевался Дмитрий Андреевич просто, да, собственно, и не во что было особенно разодеться. Жил он только на те гроши, которые зарабатывал, давая уроки отстающим ученикам. Недаром он долго носил подаренные кем-то потертые клетчатые брюки, а когда ему удалось сшить вельветовую толстовку, он сказал Наташе: «Вот, смотри, теперь я необыкновенно наряден».

Жизнь, полная испытаний, вырабатывала твердый характер, стремление к действию, желание идти не по проторенной дорожке. В своих поступках, мыслях, чувствах Митяй стремился к ясности, прямоте, откровенности. Письма к Наташе настойчиво призывали ее стать выше обычных условностей: «Я с Вами говорю, — писал он 27 апреля 1913 года, — всегда откровенно... Вы это знаете без меня. Много, быть может, странного, нелепого и смешного в моих письмах, но смешного лишь постороннему глазу, который не прочтет ничего меж строк. И можно, пожалуй, назвать большинство моих писем «пылкими посланиями», но, повторяю, можно на-

звать лишь со стороны: Вы их так не назовете, потому что знаете и верите, что движет меня не пустое, минутное увлечение... Что же Вы боитесь какой-то ложной, выдуманной Вами же насмешки?»

Что более всего нравилось Фурманову в характере Наташи? Лучшим ответом будет его дневниковая запись от 9 июля 1914 года. Вот что он записал тогда:

«...и что за диво? Лишь вспомню я о тебе, — все как-то перевертывается передо мной вверх дном, все кажется в ином свете... Какая-то огромная радость заполняет мою душу, и горе мне не в горе, тяга не в тягу: становится легко, тепло и весело, иногда грустно, но эта тихая, почти томная грусть чище и милей радости. Я понимаю, чувствую все больше, что ты бесконечно дорога мне — ты одна, и другой нет. Я полюбил тебя, гордую и красивую, и не могу забыть тебя... Я проклинал в горячие минуты твою ровную холодность и умное твое спокойствие — теперь я горжусь тобою за это. То, что прежде казалось мне безучастностью и высокомерием, — теперь иным светом осветилось передо мной. Я увидел душу, крепкую и стойкую в несчастьях, целомудренную и молчаливо чуткую... Я увидел, что высокомерие твое есть природная величавость и привычка быть царицей, убежать тени... Ты всегда на свету, ты не можешь меркнуть. Слишком много в тебе благородной гордости, чтобы минутный успех нарушил твое величавое спокойствие, чтобы он увлек тебя настолько, чтобы ты принизилась, согнулась и хоть на миг сделалась рабыней... Нет, во всем ты царица... Можно за случайное слово уколоть и унижить тебя противоречием и несогласием, но всей жизнью своей ты оправдываешь одну и ту же высокую мысль — мечту — идею независимой, гордой и прекрасной царицы... Да, да — ты царица! Ты не иначе встаешь передо мной, как властно-гордая, почти суровая, готовая за правду и чистоту безжалостно прогнать от себя минутное удовольствие, житейскую, обольстительную радость. Я не видал, не встречал характера более цельного, упругого и свежего... Ты сама еще не знаешь, какой у тебя прекрасный строй души, как можно положиться на тебя беззаветно. Ты не знаешь того, что судьба жестоко ошиблась и указала тебе чужое место — твое место не здесь, оно где-то бесконечно выше, я не знаю где, но не здесь, не здесь... А может она и правдива в своей ошибке: может быть, этой беспросветной мгле и нужны такие яркие, неугаемые мазки? Кто знает... Без теорий и отвлеченного умничания ты всем существом своим поняла первую и главнейшую необходимость женщины — избегать рабства, ты поня-

ла и осуществила эту недостижимую, труднейшую мечту — желанье... Ты родник, ты ключ, постоянный и чистый, — потому я так долго и не могу оторваться от живой твоей души, от теплоты твоей, целомудренной и стыдливой...»

В 1912 году Фурманов из Кинешмы вырвался в Москву. Его давно манил Московский университет. Там он надеялся от известных профессоров услышать разгадку наболевших вопросов. Поступив вольнослушателем на юридический факультет, Дмитрий Андреевич скоро разочаровался: его не могло заинтересовать изучение свода царского законодательства и других не менее сухих и скучных предметов, которые читались на этом факультете. Вскоре Фурманов перешел на историко-филологический факультет.

В Москве он попрежнему жил на грошовый заработок от уроков, питался, перебиваясь с хлеба на воду, а в поисках дешевого угла нередко перебирался из одной комнаты в другую. Впрочем, на нужду Фурманов мало обращал внимания. Ни в одном письме к Наташе или к родителям не жаловался он на плохое житье-бытье. Его угнетало другое: Московский университет с его профессорами не мог дать ему ответа на волновавшие его вопросы. «Мне хочется крикнуть кому-то, — записывает он в дневник, — проклясть кого-то не-возвратно, злобно, жестоко... На душе тяга... Чувствую свое одиночество, нет друзей, не могу подойти к ним, серые, безликие они, погрязшие в житейских вопросах. А большие вопросы, которые изгрызли мою душу, их не интересуют».

В таком настроении его застала первая мировая война.

Что делать? Как определить свое место в этом большом народном бедствии?

В первые месяцы войны студенты старших курсов получали отсрочку по мобилизации. Но не это было нужно Фурманову: он больше не желал оставаться в университете и, не сдавая государственных экзаменов, оставляет его навсегда.

БРАТ МИЛОСЕРДИЯ

Когда Фурманов бросил университет и решил отправиться на фронт братом милосердия, он почувствовал себя как бы обновленным; ему казалось, что новое поприще откроет ему многое в жизни... Мировая война, действительно, стала для Дмитрия Андреевича «пограничным столбом» и явилась большим этапом в его жизни.

В то время он не понимал ни целей войны, ни ее империалистического характера. Его охватило одно желание — хоть чем-нибудь помогать родному народу. Но как, чем, какими путями, — это не всегда было ясно Фурманову. Братом милосердия он стал с тех пор, как сел в санитарный поезд, надев белый халат; но, пожалуй, и до этого он был братом милосердия в жизни. С каким упоением описывал он матери в одном из своих писем, как он ходил в поле и помогал крестьянам убирать хлеб.

Анна Никитична Фурманова рассказывает, как однажды Дмитрий Андреевич, идя по Тверскому бульвару, услышал грубую ругань полицейского, кричавшего на жалкую, бедную девушку; движимый желанием помочь ей, Фурманов вступил в спор с полицейским. Этим вмешательством он ничем не помог оскорбленной девушке, а сам попал на трое суток в арестный дом.

— Чорт вас побери! — кричал он надзирателю. — За что вы меня посадили? За то, что я вступился за девушку, несчастную, избитую, которую оскорбил ваш чин.

— Не ругаться, а то в морду получишь! — коротко ответил надзиратель и приказал конвойным вывести его из своего кабинета...

Вот почему, когда на полях сражений полилась народная кровь, Фурманов не мог больше оставаться в университете. О своих чувствах, настроениях, рожденных новой обстановкой, он торопится сообщить Наташе и своей матери.

26 октября 1914 года он писал: «Здравствуй, милая мама... Мне придется ездить с санитарным поездом и перевозить раненых из города в город. Решил я это дело крепко, так что, дорогая мама, ничего меня не упрашивай. Время такое, что помогать надо, чем только можешь».

Более пространно об этом он написал 29 октября того же года Наташе. Вот часть его письма:

«Скажу тебе новость. Лишь только приехал сюда, на следующий же день записался в братья милосердия и работаю теперь в лазарете при городской больнице. Дела много и потому не скучаю. Приходится иногда сидеть напролет ночи подле тяжело раненых... По окончании занятий я уеду на войну, это, будет, вероятно, недели через две-три... Жаль маму, тебя... это самое дорогое, самое близкое... Что уезжать тяжело и больно — об этом, конечно, и говорить нечего. Но что-то влечет меня туда неудержимо. Мысль теперь созрела и окрепла, и не изменю я ей. Увидела бы ты меня теперь в белом халате — не мало подивилась бы. Создалась

какая-то хорошая, святая цель, и я отдался ей всею душой. Так и чувствуешь каждую минуту, что здесь вот, за работой, ты приносишь какую-то слишком необходимую, слишком нужную пользу. Понимаешь всем существом своим, что сделался вдруг хоть и маленьким, но необходимым винтиком в этой огромной машине общественной жизни. На душе постоянная радость, жизнь осветилась высшим смыслом, и теперь нет доступа в мою душу ни тоске, ни печали, она полна другим, полна делом... и тобой. Да, тобой она полна, и это совсем не нарушает единства, даже как-то полнее чувствую и необходимость общей работы... Долгие ночи сидишь вот в палате и слышишь только постоянные стоны да глубокие и тяжелые вздохи... «Братец», — простонет больной. Подойдешь, поможешь ему, и снова все тихо... Мысли медленно плывут в голове и уносятся как-то неведомо к тебе... Я вижу Новинское, вижу тебя...».

В эти годы Фурманов попрежнему продолжает писать стихи, рассказы, художественные зарисовки. Во всех его литературных произведениях чувствуется гуманное отношение к бедному люду. В одном из маленьких рассказов он описывает смерть жены крестьянина и переживания последнего.

В другой зарисовке описана девочка, обреченная царизмом на нищету. Такое же гуманное отношение сказывалось и в практических делах.

Фурманов разъезжает в санитарном поезде с фронта на фронт, с Урала на Кавказ, пытливно приглядываясь к встречающимся людям, любясь разнообразием природы, и шлет об этом пространные письма матери и Наташе. С каким восторгом описывает он светлые ночи Урала, громоздящиеся горы, дикую, суровую, девственную красоту! А природа Кавказа! Она даже в самых мелких деталях не ускользает от острого глаза Фурманова, оставляя неизгладимое впечатление.

Однако в душе Дмитрия Андреевича зрела глубокая трагедия, все более и более не дававшая ему покоя.

Ему немного понадобилось времени, чтобы разглядеть несправедливость и невероятную пагубность для народа империалистической войны. Без теорий и книг, по непосредственным личным наблюдениям, он понял, что приближается серьезная перемена в судьбах России, хотя и не отдавал себе отчета в том, во что она выльется.

Он скоро начал сознавать, что милосердие — это совсем не то, о чем он думал и мечтал. Когда он писал Наташе, что

в лазаретных делах у него «создалась какая-то хорошая, святая цель», то это был лирический восторг, захвативший его в связи с нахлынувшими событиями войны. Разочарование наступило скоро.

В конце 1914 года Дмитрий Андреевич отправил матери письмо.

Вот что сообщалось в этом интересном письме:

«Здравствуйте, дорогая мама!

Знать, везде такая же сумятица, как и у нас грешных. Вы говорите о слякотной, дождливой погоде, а мы уж так привыкли к ней, что забыли, как светит солнце. Праздников здесь, собственно, нет, потому что нет колоколов и некому извещать о том встревоженных жителей, но есть здесь свои, особенные, чисто военные праздники. Первый праздник — это солнечный, теплый день, но такие праздники редки; второй праздник — телеграмма о том, что врага поколотили и наши продвигаются вперед, и, наконец, третий праздник — весть о том, что провизией мы обеспечены на целый месяц. Таковы праздники военного времени... Деревенька, где стоим, — напомнила мне такое же грязное, глухое местечко на Кавказе, именно Джульфу. Вы, вероятно, помните Джульфу — я писал Вам о ней неоднократно. Вот и здесь: та же непролазная грязь, та же тоска, только взамен кавказской тишины здесь погромыхивают раздражительные и торопливые пулеметы. Ни туда, ни сюда. Враги застыли в ожидании, разделенные топами и болотами. Никому не хочется первому напороться на нож, — сидят и ждут. А чего тут дождешься, когда с места стронуться невозможно? Теперь вот на юге разыгрались большие события; наши быстро продвигаются вперед, захватывая массу пленных, оружия, орудий и провианта. Все это, конечно, известно Вам и по газетам, нового я ничего не сообщаю. Возможно, что в связи с этим крупным событием — начнутся дела и по всему фронту. Должна же, наконец, совершиться когда-нибудь эта последняя, страшная и решительная схватка. А жутко. Враг могуч и умен — живым в руки не дастся, дешево жизнь не отдаст. И думается, что на эту последнюю схватку — уйдут многие миллионы людей, потребуется страшная, дорогая жертва.

Сидишь вот и гадаешь, словно старушка на бобах, а на деле — на деле ничего-то я не знаю, ничего-то не понимаю я в этой драме. Да и кто что знает? Определенно сказать невозможно ни за один шаг: разбиваются в прах самые умные, самые глубокие и продуманные планы, а случайные ходы — поражают красотой и удачливостью. Вам гадать не

приходится — Вас питают газеты, поющие, словно поломанная шарманка, все одну и ту же фальшивую песню о нашем благополучии... Эта песня, как усыпляющая, коварная песня сирены — завела нас в Карпаты, откуда миллионы страдальцев выбрались только потому, что они — русские и привыкли ко всякому горю. Будь на нашем месте другой народ — погиб бы целиком. Изумляюсь я терпению русского солдата».

Особенно замечательны здесь слова: «Будь на нашем месте другой народ — погиб бы целиком». Фурманов видел богатырскую мощь русского народа, верил в его всепобеждающую, всевыносящую силу даже тогда, когда этот могучий русский народ был ввергнут в кровавый ад войны империалистическими заправилами России.

Много живых картин зарисовал он из жизни русского солдата, и вместе с тем с таким негодованием говорил он об обжорстве и карьеризме военных чиновников, о квасном патриотизме купцов, о царских прихвостнях, о помещичьих детях, которые за золото откупались от военной службы, преспокойно наживаясь на несчастьи «миллионов страдальцев».

Вскоре Фурманов решил расстаться с работой в санитарном поезде и во что бы то ни стало избрать такое поприще, на котором можно было бы действовать, не ограничиваясь только одним милосердием.

Уже 15 ноября 1916 года Дмитрий Андреевич поведal в письме к Наташе о душевном разладе:

«К моему глубокому сожалению, все помыслы и мечты, кажется, потерпят крах... Ты говоришь о широком поприще. Сам я жил только им одним, только и мечтал все, когда дотронусь до настоящего, живого дела. И странно получилось, словно я ошибся в выборе, пошел не туда: такое теперь равнодушие к намеченному делу, такое безразличие, что честному человеку и не стоило бы даже продолжать при такой скудной наличности интереса и любви... Я говорил тебе, что лазаретная работа захватила, что душу всю мою заполнила — так это, кажется, я только сам себя уверил и обманул, на деле — не то...»

Но, как всегда в минуты мучительного разочарования, Дмитрий Андреевич не падал духом, не отдавал себя во власть упаднических настроений, а настойчиво искал выхода, искал живой, действенной работы.

Куда же, однако, можно было уйти от лазаретной работы? (Иваново-Вознесенск, город качей, — вот куда с неудержимой силой потянуло Фурманова. Дыхание надвигающейся

социальной бури заставляет его быстро принять решение. В середине 1916 года он записывает в дневнике: «Скорей, скорей в Иваново! Где-то буду я на будущий год? Неужели к тому времени все уже кончится, и наладится мирная, студенческая жизнь? Нет, не верю. Одну бурю сменит другая, и я умчусь в этом вихре, водовороте, еще более неудержимом и страстном...»

С такими настроениями он приехал в Иваново-Вознесенск, где началась для него новая жизнь.

НА РАСПУТЬИ

О, мой друг, не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна.
Оглянись: зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна.
Мир устанет от мук,
Захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой
И поднимет к любви, беззаветной любви,
Очи, полные скорбной мольбой.

«Вот оно — пророчество молодого, чуткого поэта. Мир устал от муки и поднялся могучей волной добывать украденное счастье».

Эти строчки стихотворения Надсона и свое замечание к ним Фурманов вписал в дневник в самые первые дни февральской революции. Можно себе представить, как опьяняюще действовали на него быстро развивающиеся события, как быстро отзывалось его чуткое сердце на невиданные дела и неслыханные речи. Страницы дневника в эти дни дышат восторгом, изобилуют самыми пылкими фразами; он торопится записать все, что видел и слышал за день.

И все же февральская революция застала Фурманова врасплох: он оказался неподготовленным для того, чтобы сразу войти в круг событий и определить в них свое место. Он еще продолжал жить больше сердцем, чем рассудком; будучи мечтательно настроенным, не разбираясь в ряде важнейших политических вопросов, он допускал серьезные и досадные ошибки.

Нет никаких оснований замалчивать ошибки Фурманова, во-первых, потому, что он искупил их честной, большой и талантливой работой, во-вторых, путь Фурманова к народу, к

большевикам — это ведь путь не только лично его, а целого слоя интеллигенции, прошедшей через ряд политических колебаний. Фурманов — яркая историческая фигура среди той части интеллигенции, которая, преодолев свои ошибки и колебания, навсегда осталась прочно спаянной с народом.

Путь Фурманова к большевизму был противоречив и извилист: несколько месяцев он пробыв в партии эсеров, потом оказался (тоже очень недолго) среди анархистов. Не связанный в прошлом ни с одной подпольной организацией, не знакомый с трудами классиков марксизма, представляющий себе счастливое будущее народа по туманным стихам Надсона, — Фурманов был уверен, что это счастливое будущее непременно придет, но как, когда оно придет, кто и как его будет завоевывать — этого он, конечно, не мог почерпнуть в поэзии. События развивались настолько быстро, что трудно было осмыслить их сразу. В жизни Фурманова наступил самый тяжелый период, названный им «шараханьем из стороны в сторону».

Чтобы преодолеть политические колебания, нужны были искренность, беспощадно-разоблачительное отношение к самому себе, трезвая, объективная оценка всех своих действий и взглядов, острая наблюдательность. Но не только это помогло Дмитрию Андреевичу быстро распознать предательскую сущность буржуазных партий.

Одним из важных моментов, сыгравшим в его судьбе значительную роль, была его общественно-революционная деятельность, кровно связанная с насущными интересами народа. С первого дня организации Ивановского совета рабочих и солдатских депутатов Фурманов полностью отдается работе в Совете. От эсеров он отшатнулся с чувством безразличия и презрения. Очень быстро он распознал их, как политических лжецов, позеров, предателей. 12 марта 1917 года он дает им в дневнике такую характеристику:

«Подобных людей занимает почетная роль главаря, председателя, организатора — и только... Они тупые, неразвитые люди... совершенно бесчестные. Поэтому-то среди подобных говорунов оказывается так много провокаторов».

Фурманов работает в Совете не покладая рук. То он едет с лекциями и докладами в Шую, Лежнево, Кинешму, Кохму, то готовит текст резолюции заседания Совета, то выступает на митингах среди рабочих ивановских фабрик. Перед ним встает много сложных, неразрешенных вопросов. Работал Фурманов с душой, стремясь как можно больше принести пользы народу. Вот почему с таким чувством омерзения от-

носился он к тем, кто предавал интересы народа. В марте 1917 года в Иваново-Вознесенском Совете стали обнаруживаться провокаторы. «И что они получили за это?» — спрашивает Фурманов и с горечью отвечает, заноса в дневник очередные впечатления: «15 рублей, собачью кличку и характеристику приблизительно в таком виде: «Лямка: 15 рублей, глуп, исправен, жаден, просит прибавки. Вот и все».

Литературные занятия Фурманова в это время отходят на второй план. Но его стихи и рассказы становятся более целеустремленными, носят ярко выраженную общественную окраску. На страницах печати время от времени появляются его стихи, чаще всего посвященные революции. Так, в феврале 1917 года он писал:

Тише. Огромное чудо свершается,
В темном лесу великан пробуждается,
В темном дремучем лесу.
Он еще дремлет под шапкой мохнатой,
Он еще сердцем и мыслью крылатой
Солнца не знает красу...
Тише. Проникнитесь думой глубокою:
С мудрой душою и мощью огромною
Встанет гигантский народ.
Встаньте торжественно, в полном молчании,
Дайте дорогу, в пурпурном сиянии
Новая сила идет.

Среди других литературных произведений Фурманова особенно выделяется его «Легенда об унглах», напечатанная 25 ноября 1917 года в газете «Рабочий город».

«Легенда об унглах» — это гимн народу, сбросившему многовековое ярмо кровавого Крафта, царского самодержавия. Легенда была напечатана единственный раз; неизвестно, почему она не входила в собрания сочинений Фурманова, и поэтому оказалась незаслуженно позабытой. Между тем «Легенда об унглах» замечательна не только по своему содержанию, но и по силе художественной выразительности. В ней нельзя не видеть плодотворного влияния романтических произведений Горького.

В легенде рассказывается, как народ ценою больших лишений, страданий и борьбы обрел себе новую жизнь, свободу и независимость.

Чтобы восстановить в памяти эту легенду или вновь познакомить с ней читателей, приведем текст этого произведения полностью:

«Далеко-далеко, за высокими горами, за теплыми морями, по глубоким пещерам и тихим долинам жило племя великанов-унглов.

Владыкою племени был карлик Крафт, который питался кровью великанов.

У него, у Крафта, была целая свита таких же карликов, питавшихся кровью унглов.

Карлики жили среди великанов, следили за их жизнью и обо всем доносили Крафту.

А он, жестокий и злой, беспощадно мучил покорных великанов.

Многие годы, целые века страдали, терпели и молчали унглы, пока не явился к ним добрый дух, по имени Глюк, и не взялся пособить безысходному горю.

Глюк жил высоко на горе, под облаками, и часто спускался в семью великанов.

Но угрюмо и недоверчиво первое время встречали унглы доброго Глюка.

Он приходил к ним, встревоженным и беспокойным. Он звал великанов с собой под облака, на крутую высокую гору; рассказывал, какие там бури, какая там радость — в постоянном борении стихий, в сверкании молний, в громовых раскатах. Но чужды были эти свежие радости унглам-великанам. Они привыкли к широким и тихим долинам, к темным ущельям, к покойным, надежным скалам.

Карлики ненавидели Глюка. Они сновали среди великанов и уверяли их, что Глюк хочет погубить все их унглово племя; хочет увлечь его за собой на высокую гору и свергнуть оттуда в ледяную, бездонную пропасть.

Кроткие унглы поверили карликам и прогнали от себя беспокойного Глюка, зовущего всегда под облака, на свою высокую, всем ветрам открытую гору.

Глюк исчез.

Тянулись по-старому годы страданий и смертельной скорби унгов-великанов.

Карлики стали еще строже и злее, боясь, что глюково семя пустит ростки.

Еще кровожаднее, еще беспощаднее сделался владыка Крафт.

Тогда вспомнили великаны Глюка и затосковали в своих тихих долинах; захотелось им посмотреть — что за такое это сказочное царство радости на высокой глюковой горе.

Они позвали доброго Глюка и спросили дорогу к вершине горы.

Глюк указал им на крутые обрывы, на заросли терновника, на черный, дремучий бор позади.

Страшно стало кротким унглам: вместо долин и тихих ущелий — обрывы и бездны, вместо лугов, бархатистых и мягких, — колючий терновник и черный, пугающий бор.

Они покачали лохматыми головами и молча отошли от Глюка.

Шли годы, а тоска по горному сказочному царству не давала унглам покоя.

День ото дня все больше требовал кровожадный владыка горячей крови; все тяжелей становилось унглам; все ближе подходила бескровная, белая смерть.

Здесь, в долине, — смерть близка и неизбежна.

А там, — за терновниками, бором и безднами, — там сказочное царство горной радости.

И унклы решились на страдный путь.

Они поднялись и тронулись от ущелий и тихих долин.

А карлики бросились им на могучие плечи, кидали по пути камни, говорили даже ласковые слова, убеждали остаться в долине...

Грозной, неудержимой лавиной двигались унклы.

Миновали крутые обрывы, миновали колючий терновник и черный, рыдающий бор.

Много унглов сорвалось по откосам и срывам в горные бездны; много унглов погибло от терний и сбилось в пути по дремучему бору.

Но те, что добрались к вершине, навеки остались жить в светлом царстве свободного Глюка.

И когда они спустились в долину, чтобы взглянуть на царство недавнего рабства, — увидели там крошечные, жалкие трупки: это валялись карлики и среди них — почерневший, отвратительный Крафт.

Остановились унклы, покачали огромными, лохматыми головами и глубоко задумались.

Задумались и никак не могли понять — почему они, такие огромные и сильные, целые века отдавали свою горячую кровь этим крошечным, жалким трупкам?

Долго стояли они с поникшими головами.

Потом повернулись и молча, все в том же глубоком раздумьи, стали подыматься в свое новое царство.

Так литературная деятельность и общественно-революционная практика неизбежно вели Фурманова, как он сам выражался, «к берегу коммунизма».

В те дни город ткачей переживал самые разнообразные

события, свидетелем которых был Фурманов: тут и организация всякого рода общественно-политических мероприятий в Совете, тут и шантаж политиканов и авантюристов, зверства тех, кто ни за что не хотел, чтобы народ был свободен. Вот как описывает Фурманов в дневнике от 14 апреля 1917 года банду головорезов:

«Совершаются ужасные дела. Каждую ночь вырезают несколько человек. Резня началась еще две-три недели назад. Верст за 30 отсюда (Шуя) была вырезана семья... Одну девушку зарезали среди бела дня. Милиционер был зарезан в людном квартале — у станции. Вся резня... производится в рабочей среде. Не тронут ни один фабрикант, торговец... Всех ошеломило известие об открытии шайки. Поймали мальчишку лет 17-ти, хотели расстрелять на месте, но потом перепугали пыткой... Мальчишка осатанел от ужаса и выдал соучастников... Огромная шайка скрывалась в подземельи с массой тайных ходов, где было проведено и электричество и телефон. Катакомбы рылись много лет, земля принадлежала кулаку-староверу, занимающемуся между прочим скупкой краденых вещей. Старика, сына и зятя увели под конвоем. Многих отыскивали в сене, в печах, в гробах, которые стояли в подземельи. Дом хотели поджечь, но страшный ветер заставил остановиться... Город замер в страшном ужасе.

Всюду плачут и трепещут, не спят ночи — сидят и ждут... Напряжение достигло апогея... Детишки плачут, старшие сидят с возбужденными лицами, с горящими глазами...»

Тревожное было время. Контрреволюция распоясывалась, поднимала голову. И если банда головорезов вызывала ужас в городе, то известие о корниловщине выводит людей из равновесия, так как все хорошо понимают, что силы контрреволюции хотят уничтожить все революционные начинания. По утрам у здания окружного суда, где помещался Ивановский Совет, собираются толпы людей; воспаленными от бессонницы глазами впиваются в свежие телеграммы, расклеенные по забору. Фурманов не выходит из Совета, спит там на столе; впрочем, какой тут сон, когда ежеминутно трещит телефон.

При Совете рабочих и солдатских депутатов создается «Штаб революционных организаций»; 11 сентября 1917 года состоялось его первое заседание, на котором присутствовал и Дмитрий Андреевич. Заседание проходило конспиративно, в маленькой комнате; люди напряженно думали и спорили о том, как достать оружие, чтобы вооруженной борьбой отстаивать демократические права. Обстановка в городе стано-

вилась все более накаленной, а тут еще ивановские купцы Латышевы и Куражевы, поддержанные черносотенцами, прорываются на людные митинги, агитируя против коопераций, против Советов.

Но никакое остервенение врагов революции не могло сломить воли ивановских текстильщиков, руководимых Советом и партией большевиков. Борьба с фабрикантами, голодом, разрухой, сплетнями, провокациями велась непрерывно. Ткачи шли к окончательной победе.

В дни Всероссийского съезда Советов состоялась в Иванове 18 июня бурная демонстрация, прошедшая под лозунгом: «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». На фабриках и заводах участились конфликты между рабочими и промышленниками, стачки вспыхивали то на одной, то на другой фабрике и сливались в единый поток: текстильщики Иванова, Кинешмы, Шуи, Лежнева, Кохмы поголовно включились в борьбу за социалистический строй, за власть Советов.

Город ткачей многому научил Фурманова, который вращался в водовороте революционных событий, играя в них не последнюю роль. Дмитрий Андреевич оказался в Иванове первым среди тех счастливых, которые узнали о свержении Временного правительства, о Великой Октябрьской социалистической революции. Вот как он записал в дневник свое впечатление об этих великих днях.

«Передаю только самое, самое главное. Вчера было заседание Совета. Последние дни и в рабочих массах и в полку мы подготавливали товарищей к событиям, которые можно было предвидеть... Часов в 8 вечера я звонил в Москву. Редактор «Известий Совета» сообщил:

«Временное правительство свергнуто...»

Помчался, как оглашенный, в Совет, сообщил...

Неистовый взрыв радости, аплодисментов, несмолкаемых криков восторга».

Тут же на заседании Ивановского Совета избрали Революционный штаб из пяти человек, назначив председателем штаба Фурманова.

Возникали новые хлопоты: надо было во всех учреждениях установить контроль от революционного штаба, реквизировать средства передвижения, активно бороться против саботажников, навести в городе революционный порядок.

Практические дела, мысли, переживания уже давно спаяли Фурманова с думами и чаяниями народа. Но он еще был на распутье, не зная, где найти себе точку опоры.

Огромную роль в сближении Фурманова с большевистской партией сыграл Михаил Васильевич Фрунзе, умевший прекрасно распознавать людей, ценных для революции.

Впервые на своем жизненном пути Фурманов встретил в лице Фрунзе такого человека, который произвел на него, как политик, ~~борец~~ и организатор, исключительно огромное впечатление.

23 февраля 1918 года в Иванове открылось первое пленарное заседание губисполкома под председательством М. В. Фрунзе. Восхищенный Фурманов запечатлел в дневнике облик великого полководца:

«Это удивительный человек. Я проникнут к нему глубочайшей симпатией. Взгляд — неизменно умен: даже во время улыбки веселье заслоняется умом. Все слова — простые, точны и ясны; решения — смелы и сильны; доказательства — убедительны и тверды. Когда Фрунзе за председательским столом — значит, что-нибудь будет сделано большое и хорошее».

По собственному признанию Дмитрия Андреевича, беседы с Фрунзе «рассеяли последние остатки анархических иллюзий». Только при помощи М. В. Фрунзе познакомился Фурманов с учением Маркса, Энгельса, Ленина, и то, к чему всегда стремилось его сердце, теперь озарилось ярким светом научного коммунизма. Фурманов вздохнул всей грудью, перед ним раскрылся светлый путь, по которому он мог идти широкими шагами, видя ясную перспективу.

В начале июля 1918 года ночью произошла одна замечательная беседа Фрунзе с Фурмановым.

— Ведь вопрос для вас ясен, товарищ Фурманов? Вся ваша работа в Совете говорит за то, что вы, не состоя членом большевистской партии, все время проводили ее линию. Что вас еще смущает? — говорит Фрунзе, пристально глядя в глаза Фурманову.

— Михаил Васильевич, — отвечает Фурманов, — я ведь всю революцию работал в Совете, пережил все этапы развития советской власти, эта работа мне стала родной и близкой.

— Знаю, ну, а теперь, когда тянуть больше нельзя, — как решаете вы? Может быть бросите работу в Совете?

Фурманов подошел к Михаилу Васильевичу и глубоким, проникновенным голосом сказал:

— Бросить работу в Совете сейчас, в такую трагическую минуту? Нет, Михаил Васильевич. Я навсегда с вами.

Фрунзе поднялся с места:

— А ведь я был в этом уверен. Недаром я все время следил за вами, за вашей работой, и поэтому с легким сердцем рекомендую вас в нашу партию.

И вот 5 июля 1918 года в газете «Рабочий край» Фурманов опубликовал заявление:

«Заявляю о своем выходе из группы анархистов и о вступлении в организацию коммунистов-большевиков».

Это маленькое заявление Фурманова окончательно подвело итог тому, что складывалось в нем в мучительных противоречиях на протяжении долгого времени.

В те дни он записал в дневник:

«Снова и снова эти мучения неопределенности. Снова распутье. Снова поиски. Знакомое, тревожное состояние. В первый раз оно было тогда, когда в начале революции стоял я на распутьи и не знал, кому отдать свое революционное сердце, кому отдать свои силы, с кем идти... куда? К кому идти? Надо было идти тогда же, ни секунды не медля, к большевикам...

Борясь все время вместе с рабочими и за рабочих, я был в то же время оторван от них, разгорожен какою-то формальной, фальшивой стеной...

— Я — коммунист-большевик, если иметь в виду всю ту работу, что я вел за время революции. Всю революцию я рос политически и, наконец, дорос до ясного сознания своей кровной близости с научным коммунизмом.

Остается только формальный акт оглашения. На это также требуется смелость и смелость, пожалуй, немалая. Особенно мне...

Да, многое я испытал. Но что же делать, когда невозможно было разом найти свою сущность?

Я побывал в рядах мечтателей, пожил с ними, поварился в их соку и вырвался оттуда, как ошалелый, чертыхаясь и проклиная... Интеллигент без классовой базы. Шараханье из стороны в сторону. Теперь прибило к мраморному, могучему берегу-скале, на нем построю я свою твердыню убеждения.

Только теперь начинается сознательная моя работа, определенно классовая, твердая, уверенная, нещадная борьба с врагом. До сих пор она являлась плодом настроений и темперамента, отныне она будет еще, — и главным образом, — плодом научно-обоснованной, смелой теории...

Будут вопросы, насмешки, подозрения... все будет. Но раз твердо решившись, — я сделал свое. Были колебания, была неуверенность, но события, размышления гнали меня неизбежно к берегу коммунизма...

Произошло ведь со мной событие колоссальной важности: я причастился того учения, которое не осмеливался назвать своим, выполняя его самым усердным образом в течение всей революции. Теперь я повеселел, сделалось легко, свободно...

Хочется работать, работать, работать. Откуда-то взялись новые силы, новая бодрость, огромное желание безустали трудиться...».

Эти строчки дневника в то время он писал вовсе не для того, чтобы их потом опубликовать. Это была исповедь Фурманова перед самим собой, исповедь самая разоблачительная и беспощадная.

Но, допустим, его дневник мог куда-либо исчезнуть бесследно. И даже тогда у нас не было бы оснований не верить его искреннему желанию стать большевиком. Такой честный, прямолинейный и трудолюбивый человек, мечтавший в юности уехать в Сибирь, работавший с первого дня в Совете рабочих депутатов, написавший «Легенду об унглах», любивший свою родину больше всего на свете, мог оказаться только в подлинно народной партии большевиков. Только так могло быть, — и так было. К личности Фурманова во многом можно отнести справедливые слова Маяковского, который говорил:

Пролетарин
Приходят к коммунизму
Низом —
Низом шахт
Серпов
И вил —
Я ж
С небес поэзии
Бросаюсь в коммунизм,
Потому что
Нет мне
Без него любви.

Фурманов глубоко убедился на деле, на своих собственных страданиях и противоречиях, что только большевистская партия выражает волю народа и ведет его к настоящей свободе и счастью, к расцвету народной культуры и искусства.

Всегда, во всех своих действиях Фурманов обнаруживал безупречную честность, самоотверженность и страстное желание жить и бороться во имя родины, во имя народа.

С ПЕРОМ И ВИНТОВКОЙ

ПРОЩАЙ, МОЙ ГОРОД!

В тяжелое для социалистического отечества время вступил Фурманов в партию большевиков.

Характеристика этого времени дана в речи товарища Сталина на параде Красной Армии в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1941 года. Призывая разгромить зарвавшихся фашистских бандитов, товарищ Сталин говорил:

«Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии, — мы ее только начали создавать, — не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы»¹.

Трудно жилось в 1918 году трудящимся промышленных центров. Ивановские фабрики останавливались из-за отсутствия хлопка; спекулянты бешено взвинчивали цены; контрреволюционеры протягивали свои кровавые лапы, организуя заговоры, террористические акты и саботаж.

Вместе с большевиками Фурманов дни и ночи занят разрешением самых насущных вопросов. Остро чувствует он угрожающую страшной катастрофой обстановку, но непреклонная вера в разгром врагов не покидает его ни на одно мгновение.

«Носится в воздухе дыхание смерти, — записывает он в дневник, — нашей смерти, нашей гибели. Все против нас: международная злая сила, германские победы на Западе, голод, недомогание... А все-таки горит, горит в душе и не погасает живая вера в то, что мы победим».

Большая общественно-политическая работа отнимает у Фурманова почти все время. Он совершенно забросил стихи, не сидит за отделкой литературных произведений и лишь

¹ И. Сталин. О Великой отечественной войне Советского Союза. ОГИЗ. Иваново, 1943 г. Стр. 31.

Дом в Иваново-Вознесенске, где жили Фурмановы.

урывками, на бегу, делает очередные дневниковые записи. Как секретарь губкома РКП(б), Фурманов был тесно связан с трудящимися массами, организовывал их на борьбу с врагом, на строительство новой жизни.

Вот хроника дел всего лишь за несколько дней.

13 сентября — партийное собрание в Шуе с обсуждением вопросов областной партконференции. Собрание было прервано известием о каких-то выстрелах; только глубокой ночью шуйские коммунисты разошлись по домам.

22 сентября Фурманов проводит уездный съезд коммунистов в Кинешме, выступает с докладом о конфискации буржуазного имущества.

27 сентября проводит заседание партийной ячейки в Лежневе, читает лекцию: «Как борются рабочие и крестьяне за социализм». В зал большого дома бывшего фабриканта не могли вместиться все желающие послушать лекцию.

В полночь 28 сентября выехал в Тейково, 30 — отправился в Кохму.

Вернувшись 1 октября в Иваново, нашел на столе телеграмму из Вичуги:

«Первого районный съезд. Высылайте представителя».

Телеграмма из Вичуги шла пять дней. Фурманов бросается к телефону, говорит:

— Перенесите съезд с часу дня на шесть часов вечера, приеду с товарным поездом.

Но никакого товарного поезда не оказалось.

Опять к телефону:

— Отложите до полночи, выезжаю с вечерним...

4 октября — съезд в городе! Середа.

На клочке бумаги Фурманов пишет порядок дня:

1. Цель съезда.

2. Доклады с мест.

3. О работе областной конференции и задачи партии в настоящий момент.

4. Выборы в уездный партийный комитет.

5. Текущие дела.

После Вичуги — Родники, потом Иваново, потом Юрье-вец, потом много длительных горячих заседаний, съездов, сборов, сходок, и все нужных, необходимых.

В декабре 1918 года Фурманов командировается губкомом РКП(б) на работу в артиллерийские части Ярославской губернии, которые со дня на день должны отправиться на фронт. Здесь Дмитрий Андреевич проявил исключительную энергию, добившись повышения боеспособности частей и получив за это высокую оценку со стороны своего учителя и боевого товарища Михаила Васильевича Фрунзе. Огромная опасность нависла над советской землей. Все честные люди жили и работали с одной целью: как можно скорее положить конец кровавым притязаниям немцев и других интервентов. Весь 1918 и начало 1919 года губернский комитет РКП(б) и Совет рабочих депутатов, возглавляемые М. В. Фрунзе, занимаются организацией частей Красной Армии.

1 августа 1918 года на объединенном заседании представителей губернского исполнительного комитета, городского совета, профсоюза текстильщиков и фабрично-заводских комитетов с напряженным вниманием был заслушан доклад М. В. Фрунзе о текущем моменте. Собрание вынесло резолюцию, в которой говорилось: «1) Признать социалистическое отечество в опасности, 2) подчинить работу всех советских и иных рабочих организаций основным задачам настоящего момента».

Неустанно кипела работа по отправке на фронт новых частей Красной Армии. Ткачи Иванова, Шуи, Лежнева, Кохмы, Кинешмы и других городов Иваново-Вознесенской губернии отправляли своих лучших сынов очищать советскую землю от иностранных и белогвардейских полчищ.

Коммунисты шли в авангарде.

В резолюции от 27 декабря 1918 года, принятой на пленуме Ивановской городской парторганизации по докладу М. В. Фрунзе, было записано:

«Сформировать из коммунистов и текстильщиков, рабочих, преданных делу революции, особый коммунистический отряд и передать его в распоряжение командующего армией, долженствующей проложить нам дорогу к туркестанскому хлопку».

Отряд этот формировал сам М. В. Фрунзе, и вскоре, 31 января 1919 года, он повел его в смертельные схватки с врагами.

В такие тяжелые для родины дни Фурманов не мог оставаться в тылу. Он стремится на фронт, чтобы плечом к плечу с ивановскими ткачами защищать советскую родину. Об этом стремлении рассказывает его дневник.

«Теперь пришел к разрешению вопрос большой важности, вопрос, над которым я долгими часами раздумывал, который все время точил мои мысли. Вопрос о Красной Армии. Долго я носил в душе мечту о поступлении в Рабочую Армию, теперь эта мечта должна осуществиться. Нечего оттягивать дни — вопрос должен быть разрешен завтра же.

Мало теперь только одной любви к рабочим, мало одного сознания, что у тебя все самое святое и дорогое в защите угнетенных, обездоленных людей... Надо на деле показать, что ты во всякую минуту с ними и всегда готов бороться за их дело, на служение которому теперь ушло все, что есть честного и благородного...

Вчера вдохновенный Фрунзе своими огненными словами укрепил во мне правдивость моих взглядов и стремлений...»

Мало оставалось руководящих работников в Иванове, тем не менее Фурманов настойчиво добивается разрешения уехать на фронт и, наконец, получает его. Взволнованными словами прощается он с городом ткачей, со своей колыбелью коммуниста и писателя:

«Прощай, мой город! Не ударим мы лицом в грязь, не опозорим на фронте твое славное имя, твое героическое прошлое...»

В один из февральских дней 1919 года к старому полуразвалившемуся деревянному вокзалу собрались ивановцы проводить на фронт второй отборный отряд, состоявший из тысячи лучших сынов и дочерей старого революционного города.

Трогательным было расставание.

Фурманов, возглавлявший отряд, произнес перед собравши-

мися ткачами прощальную речь. Тот, кто был тогда на вокзале, — никогда не забудет прощальных слов Митяя. Он стоял на неказистой трибуне, глаза его горели, слова жгли сердца слушателей.

«...И еще вам одно слово на разлуку, — говорил он, — работайте, дружнее работайте. Вы — ткачи и знать про то должны, что чем больше соткете в Иваново, тем будет теплее в уральских, оренбургских снежных степях... Работайте и накрепко запомните, что победа не только в нашем штыке, но еще и в нашем труде.

Увидимся ли снова когда? Станем верить, что да! Но если и не будет встречи — что тужить: революция не считает отдельных жертв».

Простые, безыскусственные слова! Как выразительно и современно звучат они теперь, в дни Великой отечественной войны, когда наш народ сражается с обезумевшим фашистским зверьем, когда при одном воспоминании о благородном облике Фурманова ненависть к врагам разгорается еще сильнее!

КОРРЕСПОНДЕНТ «РАБОЧЕГО КРАЯ»

Кто не знает славной работы Фурманова на посту политического комиссара легендарной Чапаевской дивизии? Об этом написаны статьи, поэты слагали стихи, а народ воспел Фурманова-комиссара в героических песнях-былинах. Но мало кто знает, как в коротких промежутках между смертельными битвами Дмитрий Андреевич торопился сообщить родному городу о героических буднях сражений.

Об этом и надлежит рассказать.

В лице Фурманова формировался новый тип писателя, писателя-бойца, общественника, пропагандиста, пламенного агитатора. Находясь в боевой обстановке, он не бросил своего любимого литературного дела. Правда, времени для литературных занятий не хватало, писать приходилось урывками, в краткие промежутки между боями. Часто лишь по ночам заносил он в свои записные книжки беглые зарисовки тех или иных эпизодов. Он знал, что ивановские текстильщики с нетерпением ждут с фронта вестей о героических сражениях их лучших сынов и дочерей с ненавистной белогвардейщиной.

Еще до отъезда на фронт Дмитрий Андреевич уже имел опыт журналиста: с первых дней революции он становится сотрудником местной газеты. Теперь же, с 1919 года, он часто шлет в «Рабочий край» разнообразные корреспонденции.

среди которых много кратких писем, небольших статей и художественно-исторических очерков.

В одном из первых писем с фронта, напечатанном в «Рабочем крае» 15 марта 1919 года, Фурманов рассказывает о разложении в стане врагов, об отказе целых полков сражаться против Красной Армии. 20 мая того же года в «Рабочем крае» появляется сообщение о героическом подвиге одного командира, который, взяв с собой несколько красноармейцев и переправившись через реку, умело произвел разведку под носом у неприятеля, потом «окружил деревню и с громким «ура» ворвался в лагерь белых. Там поднялась неимоверная паника... Белые опешили и без сопротивления были переловлены».

Ивановские текстильщики воодушевлялись подобного рода сообщениями и с удвоенной энергией преодолевали разруху и голод, веря в неминуемую победу над белобандитами. Свои корреспонденции Фурманов присылал из Чапаевской дивизии, из далекого Семиречья. Писал об угрозе немцев, о бандах Анненкова и Щербакова, о кулацких мятежах и заговорах.

Вот самый краткий перечень названий его корреспонденций, напечатанных в «Рабочем крае» в 1919—1921 годах: «Вести с фронта», «Вести с позиции», «Как погибли гг. Чапаев и Батурин», «Пилюгинский бой», «Уфа и Уральск», «Уфимский бой», «В Семиреченской области», «В тылу у белых», «Кубанская и семиреченская контрреволюция», «На Китайской границе», «Ликвидация Уральского фронта».

Однако Фурманов не ограничивался только фронтовыми темами. Помимо заметок с изложением исторических фактов, описанием геройских поступков и действий Красной Армии, он нередко посылал в «Рабочий край» статьи на самые различные общественно-политические темы. Например, в статье «Партийный мусор» он говорит о шкурниках, примазавшихся к партии, в статье «Значение первого опыта» пишет о восстановлении народного хозяйства, раскрывает такие темы, как: «С кем идут рабочие Англии», «Продовольственные перспективы» и т. д.

Особенно интересны статьи Фурманова о необходимости собирать материалы по истории гражданской войны.

«Мы видели героизм великой армии, — писал он, — видели неменьший героизм многострадального и глубокосолидарного тыла. Мы жили в неведомой дотоле экономической обстановке, которая вот-вот готова была обрушиться и заглу-

бить нас, но мы... из каждой новой битвы выходили победителями. Пора подводить итоги минувшему периоду». («Помните про исторический материал»). 12 июля 1921 года еще раз он повторяет об этом в «Письме к партийным товарищам» («Рабочий край», 8 октября 1921 года). Прекрасные способности пропагандиста и агитатора позволили Дмитрию Андреевичу ставить в газете самые волнующие, животрепещущие вопросы.

В «Рабочем крае» он публикует такие материалы и очерковые зарисовки, которые впоследствии использует в своих лучших произведениях «Чапаев» и «Мятеж». Конечно, по своей художественной отделке газетный очерковый материал является значительно ниже каждой страницы романа «Чапаев». Но это вполне понятно: ответственнейшая боевая обстановка не позволяла шлифовать каждую фразу. Только впоследствии Фурманов пересмотрел все написанное, значительно расширил, черпая материал из своих записных книжек и богатой памяти.

И все виденное и пережитое оказалось запечатленным в стройной художественно-исторической картине.

Вот один из примеров того, как напечатанные в газете очерки были использованы впоследствии в романе «Чапаев».

3 июня 1919 года в «Рабочем крае» появился большой очерк Фурманова «Пилюгинский бой», содержание которого сводится к следующему. 25 Чапаевская дивизия вступает в бой с войсками Колчака. Дивизией руководят Чапаев и Фурманов.

Рисуя героизм чапаевцев и теплые симпатии к ним со стороны крестьянства, писатель показывает, как победа остается за славной дивизией Чапаева. Очерк этот впоследствии вошел в книгу «Чапаев» как одна из ее глав, причем ход событий, подзаголовки и многое другое осталось без изменений.

Точно так же очерки «Уфимский бой» и «Освобожденный Уральск» вошли как главы в эпопею о гражданской войне.

Связь с газетой «Рабочий край» не прекращалась и в то время, когда Фурманов жил в Москве, целиком отдавшись литературному творчеству. Загруженный большой и ответственной работой на литературном фронте, он время от времени посылал в ивановскую газету свои яркие, идейно насыщенные корреспонденции.

НА ПОСТУ КОМИССАРА

24 октября 1919 года Владимир Ильич Ленин говорил слушателям Свердловского университета:

«Сегодня я видел товарищей, иваново-вознесенских рабочих, которые еняли до половины всего числа ответственных партийных работников для отправки на фронт. Мне рассказывал сегодня один из них, с каким энтузиазмом их проводжали десятки тысяч беспартийных рабочих, и как подошел к ним один старик, беспартийный, и сказал: «Не беспокойтесь, уезжайте, ваше место там, а мы здесь за вас справимся». Вот, когда среди беспартийных рабочих возникает такое настроение, когда беспартийные массы, не разбирающиеся еще полностью в политических вопросах, видят, что мы лучших представителей пролетариата и крестьянства отправляем на фронт, где они берут на себя самые трудные, самые ответственные и тяжелые обязанности, и где им придется в первых рядах понести больше всего жертв и погибнуть в отчаянных боях, — число наших сторонников среди неразвитых беспартийных рабочих и крестьян вырастает вдесятеро, и с войсками, колебавшимися, ослабевшими, усталыми происходят настоящие чудеса»¹.

В приведенных словах В. И. Ленина дается замечательная оценка иваново-вознесенцам, в суровые годы гражданской войны мобилизовавшим все силы на борьбу с врагами. Но не только в этом заключается значение слов, сказанных В. И. Лениным: в них подчеркнута роль «лучших представителей пролетариата и крестьянства», которые брали на себя «самые трудные, самые ответственные и тяжелые обязанности», цементируя массы своим героизмом, большевистской выдержкой и стойкостью, своей политической, пропагандистской работой.

С этой точки зрения книга Фурманова «Чапаев» является прекрасной художественно-исторической (иллюстрацией) слов В. И. Ленина, ибо автор, прежде всего, показал ведущую роль большевиков, испытанных рабочих-текстильщиков в борьбе с международной контрреволюцией. Едва ли можно найти более яркий литературный документ, чем «Чапаев», дающий возможность судить об организаторских и боевых делах коммунистов в эпоху гражданской войны. В самом деле, с исторической точки зрения роман «Чапаев» безупре-

¹ Ленин. Собр. соч., т. XXIV, стр. 499, изд. 3!

чен. Потрясающая правда, облеченная в художественные формы, сделала роман любимой книгой огромных масс советских читателей. Среди множества ярких лиц, характеров, героев в романе особенно заметно выступают две колоритные фигуры: Василий Иванович Чапаев и Федор Клычков. Общеизвестно, что в лице комиссара Федора Клычкова Фурманов описал себя, поэтому нам значительно легче теперь представить Дмитрия Андреевича на посту комиссара со всеми его исключительными способностями. Едва ли возможно провести границы между историческим документом, относящимся к деятельности Фурманова-комиссара, и тем, что написано в романе «Чапаев» о Федоре Клычкове. То и другое позволяет нам представить Фурманова-комиссара во весь рост.

Весной 1919 года враги молодой советской земли готовили комбинированный удар. «Главный удар должен был нанести Колчак, с которым Деникин надеялся соединиться в Саратове для совместного наступления на Москву с востока».¹

В это время большевистская партия мобилизует на защиту страны все силы. «Все на Колчака» — таков призыв вождей Ленина и Сталина. С разных концов советской земли шли боевые отряды на Восточный фронт, шли и иваново-вознесенцы, вливаясь в четвертую армию, которой командовал М. В. Фрунзе. Чапаевская дивизия представляла собой ударную группу четвертой армии. Слава о героической дивизии и ее легендарном командире гремела по степям, наводя панику в стане врагов.

Когда Фурманов с отрядом ткачей прибыл в распоряжение штаба четвертой армии, М. В. Фрунзе назначил его комиссаром Чапаевской дивизии. Читатели помнят, как Фурманов описывает то волнение, которое охватило его при этом назначении: ему представлялось широкое, во многом неизведанное поле деятельности; он уже знал о героической славе ее командира, но слышал также и о его вспыльчивости и некоторых странностях.

Сложный характер Чапаева заставил Фурманова с первых шагов искать правильных взаимоотношений, тесной дружбы с Чапаевым, что было совершенно необходимо между командиром и комиссаром, выполняющими одно ответственнейшее дело борьбы с плотным врагом.

«Чапаев из ряда вон, он не чета другим, — раздумывали

¹ И. Сталин. Статьи и речи об Украине. Стр. 81. Партиздат, 1936 г.

Штаб Чапаевской дивизии. (Фото-репродукция).

комиссар Клычков—Фурманов, — это верно, его трудно будет обуздать, как дикого степного коня; но... и диких коней обуздывают! Только надо ли? — вставал вопрос. Не оставить ли на произвол судьбы эту красивую, самобытную, такую яркую фигуру, оставить совершенно нетронутой? Пусть блещет, бравирует, играет, как многоцветный камень!

Мысль эта у Клычкова была, но она показалась и смешной и ребяческой на фоне гигантской борьбы.

Чапаев теперь — как орел с завязанными глазами, сердце трепетное, кровь горяча, порывы чудесны и страстны, неукротимая воля, но... нет пути, он его ясно не знает, не представляет, не видит...

И Федор взялся хотя немножко осветить, помочь ему и вывести на дорогу...

Если же удастся — ого! Революции таких людей во как надо!»

Фурманову многое удалось. Скоро он стал душой дивизии и боевым другом Чапаева. Удалось это благодаря тому, что Дмитрий Андреевич сумел быстро разобраться в обстановке, проявить чуткость, настойчивость и мудрость представителя большевистской партии, умеющего понимать сущность сложной борьбы и жизни.

Проявляя гибкость и проницательность, Фурманов составляет своеобразные правила собственного поведения, с помощью которых осуществляет политическое влияние на Чапаева: В «Чапаеве» есть такое место:

«...Избегать вначале разговоров чисто военных, чтоб не показаться окончательным профаном; повести с ним политические беседы, где Федор будет бесспорно сильнее; вызвать его на откровенность, заставить высказаться по всем пунктам, включительно до интимных, личных особенностей и подробностей; больше говорить о науке, образовании, общем развитии, — и тут Чапаев будет больше слушать, чем говорить. Потом... потом зарекомендовать себя храбрым воином, — это уже непременно и как можно скорее, ибо без этого все в глазах Чапаева, да и всех, пожалуй, красноармейцев, прахом пролетит: никакая тут политика, наука, личные качества не помогут! Когда будет проведена эта ошупывательная, подготовительная работа и Чапаев пораскроется, будет понятен, тогда можно и на сближение итти, а пока — пока держаться осторожно! Не была бы предупредительность и внимательность понята и принята за подслуживание к «герою». (Он, конечно, знал, что имя его гремит повсюду, что на дружбу к нему многим и многим набиться было бы очень лестно).

Только потом, когда Чапаев будет «духовно полонен», когда он сам будет слушать Федора, может быть, чему-нибудь у него учиться, — лишь тогда итти ему навстречу по всем статьям. Но гонору — ни-ни...

Все эти приготовления Клычкова отнюдь не были пустяками, они помогли ему самым простым, коротким и верным путем войти в среду, с которою он начинал работать, а во имя этой работы — срастись с нею органически».

Фурманов—Клычков скоро овладел доверием Чапаева и чапаевцев, его авторитет рос после каждой новой беседы, доклада или выступления. Чапаев и его бойцы увидели в лице комиссара бесстрашного воина, шедшего в атаку в первых рядах. От станции Александров-Гай до Уфы прошел Фурманов боевой путь. В сражении под Бутурусламом Дмитрий Андреевич лично повел в бой один из батальонов 220-го Ивановского полка и достиг замечательных успехов. В бою под Уфой он также лично руководил переправой через реку Белую на одном из ее самых опасных участков, подле железнодорожного моста. Под ураганным огнем врага он плыл с винтовкой в руках на небольшом плоту, и когда бойцы, ру-

ководимые им, выскочили на берег, Фурманов призывающе крикнул: «Товарищи, вперед, за мной! Ура!».

Анна Никитична Фурманова, верный спутник и друг/ Дмитрия Андреевича, рассказывает следующую историю, которая предшествовала сражению за взятие Уфы:

«Перед решительным боем в селе Красном Яре, раскинувшимся на самом берегу реки Белой, было созвано совещание, на которое прибыл командующий Южной группой М. В. Фрунзе...

М. В. Фрунзе зачитал письмо В. И. Ленина, в котором великий вожь Октябрьской революции призывал напрямь все силы на ликвидацию колчаковщины. Командиры и комиссары 25-й дивизии совместно с командармом поклялись разбить Колчака и к 9 июня занять Уфу. После совещания, когда все командиры и комиссары, получив последние распоряжения, отбыли в свои части, Фрунзе, Чапаев и Фурманов вышли из штаба.

— Ну, Василий Иванович, скажи честно, доволен ты своим комиссаром? — в упор спросил Фрунзе. Чапаев лукаво посмотрел на Фурманова.

— Скажу по совести — доволен, прямо доволен...

— Ну, а в боях?

— Мы все время вместе во всех боях...

9 июня 1919 года Уфа была вырвана из кровавых лап Колчака, и когда из ворот тюрьмы выпустили освобожденных узников, Фурманов с жаром произнес короткую взволнованную речь:

— Товарищи, поздравляю вас с освобождением! Мало вас осталось, многие отдали свою жизнь, но пусть знают враги, что никакая сила не может удержать красных бойцов. Колчак выставил против нас лучшие офицерские части — дал клятву, что Уфа не будет нами взята. Но Фрунзе тоже дал клятву: «Уфа будет взята и станет могилой Колчаку». Клятва Фрунзе выполнена. Уфа наша... Разутые, раздетые, голодные бойцы Чапаевской дивизии погнали прекрасно вооруженные, превосходящие во много раз своей численностью офицерские части генерала Каппеля. Ура Чапаеву! Ура героям-чапаевцам!»

Чапаев и Фурманов стремительно гонят битого Колчака, занимают Уральск, освобождают станицы от белоказаков, врываются в Лбищенск, планируют поход на Гурьев. Но здесь двум боевым товарищам суждено было расстаться: по приказу М. В. Фрунзе Фурманов был отозван на новую работу, в политуправление Туркестанского фронта.

25 августа 1919 года чапаевцы расставались со своим комиссаром. И Чапаев, суровый герой, с намернувшимися на глаза слезами, говорил Фурманову:

«Прощай, Митяй. Во многих боях мы с тобой были, много горя вместе видели. Полюбил я тебя крепко и жаль расставаться. Если бы не Фрунзе, — скандалил бы я, а тебя не отпустил. Спасибо за все. Многому ты научил меня...»

Не хотелось Фурманову покидать 25-ю дивизию с ее талантливым командиром и бесстрашными чапаевцами. Много он здесь переувствствовал, перестрадал, многим помог стать твердокаменными бойцами и мужественными воинами. Фурманов и сам рос и закалялся в огне чапаевских атак, он мужал и креп, расширяя свой идейно-политический кругозор и революционный опыт. В Чапаеве он видел «настоящего народного героя», выразителя «крестьянской ширины». С приходом социалистической революции трудовой народ ринулся к свету, к жизни, к борьбе за честь и независимость советской родины. Сколько их, таких же, как и храбрые чапаевцы, с которыми рука об руку ходил он в смертельные битвы, было обречено на тьму, обнищание и голодную смерть во времена царского бесправия! Сколько их поднялось со штыком в руках на отчаянные бои, когда над народами бескрайней России взвилось яркой путеводной звездой красное знамя, когда Ленин и Сталин призвали трудовой народ защищать свою родную землю! Фурманов понял, какая огромная жажда к жизни у этих людей, как внимательно и чутко слушают они слова о правде и справедливости и как во имя их не жалели своей молодецкой, буйной головушки. Фурманов видел, как эта «крестьянская ширина» выдвигала из своей среды полководцев, командиров-самородков, и как Чапаев, будучи таким самородком, пользовался бесконечной любовью и преданностью со стороны своих бойцов, как еще при жизни народ слагал о нем героические легенды и песни.

«Но спросят, — писал Дмитрий Андреевич, — почему именно о нем, о Чапаеве создавались эти легенды, почему именно его имя пользовалось такой популярностью?

Да потому, что он полнее многих в себе воплощал сырую и героическую массу своих бойцов. В тон им пришелся своими поступками. Обладал качествами этой массы, особенно ею ценимыми и чтимыми, — личным мужеством, удастью, отвагой и решимостью».

Друзья, соратники, товарищи, рядовые чапаевцы говорили про своего командира обычно так: «Хоть и наш, дескать, он,

Д. Фурманов.

а совершенно особенный, и со всеми равнять его не рука», и в этом сказывалось бережное, самое задушевное и чтимое отношение к своему командиру.

В Чапаеве, так остро ненавидевшем врагов революции, бойцы видели «настоящего человека». Одно слово Чапаева, порой только жест или улыбка были для них всегда многозначительными и важными.

Еще по дороге в штаб 25-й дивизии Фурманов слышал от одного чапаевца рассказ, характеризующий силу обаяния Чапаева.

«Сидишь, положим, на возу, — говорит он, — а ребята сдалька завидят:

«Чапаев идет, Чапаев идет».

...Так уж на дню его, кажись, десять раз видишь, а все охота посмотреть: такой, брат, человек! И поползешь это с возу-то, глядишь — словно будто на чудо какое. А он идет, усы сюда да туда расправляет, любил усы-то, все расчесывал:

— Сидишь? — говорит.

— Сижу, мол, товарищ Чапаев.

— Ну сиди, — и пройдет. Больше и слов от него никаких не надо, а сказал, будто радость тебе делается новая.

...Вот что значит настоящий он человек...»

На всю жизнь запомнил Фурманов людей, дела и сражения 25-й дивизии, неувыдаемо жили в его сердце дорогие воспоминания. В одном из писем Василию Ивановичу он писал из политуправления Туркестанского фронта:

«Здравствуй, дорогой Чапаев!

Ты едва ли поверишь тому, как я скучаю по дивизии... Бывало — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: дух занимает, жить хочется, кипеть, кипеть и не умолкать...»

Но не суждено было Чапаеву прочесть эти строчки своего бывшего комиссара. Чапаев погиб в бурных водах Урала. Волевой коммунист, выдержанный человек, Фурманов был глубоко потрясен, когда 7 сентября 1919 года услышал страшное известие. Перед реввоенсоветом фронта Фурманов поставил вопрос о чествовании имени Чапаева и помощи его семье.

ПЕВЕЦ ИВАНОВСКИХ ТКАЧЕЙ

Если в романе «Чапаев» Фурманов воссоздал образ легендарного полководца, раскрыл его сложный, многогранный

и обаятельный облик, показал его в жизни, на поле брани, во взаимоотношениях с комиссаром и чапаевцами, то значительное место в этой книге уделил он и художественному изображению своих земляков.

Ивановские текстильщики сыграли громадную роль в истории гражданской войны. Их самоотверженная борьба заслужила высокую оценку В. И. Ленина: «...пролетариат московский, питерский, — писал В. И. Ленин, — и иваново-вознесенский... доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции».¹

Получив политическое крещение в городе текстильщиков, Фурманов вместе с ними прошел боевой путь, и там, где он описывает ткачей, — его палитра красок многоцветна, как многоцветны ивановские ситца, его чувства глубоки и страстны, как глубоки и страстны стремления ивановцев отстаивать честь и достоинство своей родины.

Роман «Чапаев» — это своеобразный художественный рассказ о жизни и борьбе ткачей в один из ответственных исторических периодов. В незабываемых картинах Фурманов показал, как велика была сила ткача, как огромна была его историческая роль, как страшен был для врагов его боевой дух.

В самом начале романа раскрыта главная суть всех событий. Во время отправки пестроодетого отряда ткачей с ивановского вокзала на фронт Дмитрий Андреевич слышал такой разговор:

«Да как-то и дела наши ныне пойдут, больно уж плохо все стало, — пожаловился (скучный, печальный голосок.

Ему отвечали серьезно и строго:

— Кто-то их знать может: дела сами не ходят, водить их надо...»

Именно так представляли себе ивановские ткачи разворачивающиеся исторические события: нужно было самим руководить историей, нужно было отстаивать самими созданную власть и, оставив дома женщин и детей, идти добывать счастье для многострадального народа. И ивановские коммунисты, ткачи славно повели дела, не щадя своей жизни.

Много волнующих страниц создал Фурманов в книге «Чапаев», много дал ярких примеров борьбы, вдохновляющих и сейчас на великие подвиги. Книга его — величественный памятник погибшим и живым, это — героическая песнь о Васи-

¹ В. И. Ленин. Соб. соч., т. XXV, стр. 156.

лии Ивановиче Чапаеве, о чапаевцах и ивановских ткачах... «И где их, бывало, где ни встретишь, — писал Фурманов. — У китайской ли границы, в Сибирской тайге, по степям Оренбургским, на польских рубежах, на Сиваше, у Перекопа, где они не были, красные ткачи, где они кровью не полили поля боя! То-то их так берегли, то-то их так стерегли, то-то их так любили и так ненавидели: оттого им и память — как песня сложена по бескрайним равнинам советской земли».

С первого же дня отъезда на фронт ивановские ткачи превратились в могучую силу, обнаружив свои способности умелых агитаторов и пропагандистов, несущих в самые широкие массы правдивое большевистское слово. Так, Дмитрий Андреевич рассказывает, как «...по дороге до Самары по всем станциям и полустанкам, по селам и деревням, у железных дорог среди беженцев, среди крестьянства, переезжающего в разные стороны, в железнодорожных мастерских, — везде, везде, где только было можно, красные ткачи вели неустанную работу. Путь до Самары превратился в поездку какого-то красного каравана, отправляющегося воевать не штыком, а умом, серьезным, правдивым словом ткача.

Встречали нас радостно, слышали про наш отряд издали, о движении его по станциям сообщали телеграммами. По всему тысячеверстному пути мы проехали, как желанные гости. Многому многих научили, много рассеяли темных слухов, сомнений, подозрений, многим заронили искру, быть может вспыхнувшую потом пожаром».

Знаменитый 220-й полк, состоявший исключительно из ивановцев, составлял сердцевину Чапаевской дивизии и прошел с нею вместе огромное расстояние в неустанных сражениях с врагами. Недаром М. В. Фрунзе, встретив прибывших ткачей на фронт, обратился к ним с наказом: «...вы должны стать цементом дивизии», и ивановцы мужественно выполнили этот наказ, ликвидируя бандитские шайки в районе станции Джаныбек и озера Эльтонское, а затем приняли активнейшее участие в боях за взятие Бугуруслана, Бугульмы, Белебея, Уфы, Уральска, Лбищенска, Гурьева, всюду проявляя исключительный героизм. Фурманов не раз лично руководил боевыми операциями батальонов 220-го Иваново-Вознесенского полка и хорошо знал его личный состав. Многие ему были знакомы по работе еще до фронта. Хорошо была известна ему молодая текстильщица Маруся Рябинина, с которой он не раз встречался в Иваново-Вознесенском штабе Красной Гвардии.

Д. Фурманов.
(Москва, 1921 г.).

«Была она, — пишет Фурманов, — девушка вовсе ранняя, годов семнадцати. Лицом круглая, в щеках румяная, носик торчал красной шишечкой, светлозеленые шустрые глаза посверкивали через темную изгородь ресниц... Ходила Маруся в кожаной тужурке, в плотной черной юбке, так ходила и лето и зиму, другого костюма не знала». Эта юная девушка не раз ходила в атаки, увлекая за собой бойцов. В «Чапаеве» Фурманов волнующе рассказал о гибели Маруси Рябининой, когда она с криком «За мной, товарищи, вперед» подняла целый батальон ткачей в смелую и выигрышную атаку, погибнув при этом от вражеской пули. На митинге, после боя, Фурманов сказал:

— Нет больше нашей звонкоголосой Маруси. Она не посрамила славного прошлого ткачей и пала за счастье рабочего класса.

Тут же присутствовал и Чапаев, его прощальные слова были еще короче:

— Таких бы побольше. Отдала все, что могла. С нее пример надо брать.

Не щадя своей жизни, выбивали ткачи врагов с советской земли. Переноса нечеловеческие страдания, они упорно шли к намеченной цели, ибо непоколебимо верили в победу. В. И. Ленин, не раз отмечавший заслуги ивановцев в гражданской войне, писал: «Иваново-вознесенские, питерские и московские рабочие перенесли за эти два года столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах».¹

О том, насколько иногда велики были испытания ивановцев на фронте, со всей суровой правдой рассказал Фурманов в статье «Что вспомнилось», опубликованной в «Рабочем крае» 23 февраля 1923 года.

«...В уральских степях, — писал Фурманов, — испытания были безграничны. Помнится, где-то неподалеку от Лбищенска в голой степи, в засуху, мы пили вместо воды грязную, вонючую тинистую жижицу. Вытаскивая из заваленных колодцев побросанные туда отступающими врагами трупы животных, доставали со дна оставшуюся мерзость, отжимали грязную водицу и пили. Не было хлеба, питались, чем придется; не было патронов и снарядов, сражались почти врукопашную. Шли босые с растертыми в кровь ногами. Так шли по степям иваново-вознесенские ткачи. Жаль, что снимков фотографических не осталось. Надо бы эти картины молча-

¹ В. И. Ленин. Соч. соч., т. XXV, стр. 134.

ливого героизма повесить в наших корпусах, в рабочих столовых, по клубам, по школам, пусть помнят, как братья, отцы, сыновья, как сознательные рабочие Красной губернии боролись в годы гражданской войны.

Потом я встретился со своими земляками по Самарской работе в Ташкенте, в Верном, в Туркестане, в Грузии, на Кубани, на Дону — всюду они вели большую работу, пользовались неизменным уважением, их считали как бы старшими по революционной работе, по боевому стажу, по развитию, общей подготовке. Достаточно было узнать, что это работник из Иваново-Вознесенска — ему сразу давали ответственную работу: имя пролетарского центра было гарантией тому, что сыны его оправдают себя на работе и в борьбе...»

* * *

Много лет минуло с тех пор, когда происходили описанные события. Советские люди разгромили интервентов и внутреннюю контрреволюцию, построили социалистическое общество, создав первоклассную промышленность и технику.

Город Иваново, некогда грязный, обреченный царизмом на вымирание, часто называемый в прошлом «царством ситца и чахотки», — за годы советской власти, благодаря сталинским пятилеткам, превратился в один из крупнейших промышленных и культурных центров страны. Несколько вузов, красавицы-фабрики «Красная Талка», Меланжевый комбинат, фабрика им. Дзержинского, великолепный театр и цирк, кино, парки, детские сады, ясли, рабочие поселки — все это было создано в городе, где до Великой Октябрьской социалистической революции, кроме душных фабричных зданий да кабаков, ничего не было.

Вместе со всей страной социалистическое Иваново поднялось на грандиозную битву с немецкими оккупантами. С первых же дней Великой Отечественной войны тысячи коммунистов, комсомольцев, текстильщиков, людей интеллигентного труда пошли защищать то, что создавалось их упорным и настойчивым трудом. Отправляясь на фронт, эти люди клялись именем М. В. Фрунзе и его талантливого ученика и помощника Дмитрия Андреевича Фурманова беспощадно уничтожать фашистскую мерзость.

Покидая родной, созданный ими город, они заявляли, что дадут беспощадный отпор врагу, будут биться так, как учил

великий полководец Фрунзе, как дрался комиссар Дмитрий Андреевич Фурманов и славный 220-й Ивановский полк.

Ивановцы-фронтовики гг. Деревеньков, Алексеев, Расторгуев и другие в письме в «Рабочий край» говорили:

«В смертной схватке с фашизмом вместе со всем советским народом участвуют и ивановцы. Свято храня боевые революционные традиции ивановских ткачей, они послали на фронт своих лучших сыновей и дали им отчий наказ — пронести знамя победы по полям сражений так, как пронесли его ивановские ткачи под водительством легендарного героя гражданской войны В. И. Чапаева и одного из лучших сынов нашей большевистской партии, военного комиссара Д. Фурманова. Мы помним этот наказ... Батальон, состоящий почти из ивановцев, получил благодарность от командующего армией за отличное выполнение боевой задачи...»

Таких писем с фронта не мало получил Ивановский обком ВКП(б), газета «Рабочий край» и другие политические и общественные организации.

Ушедшие на фронт ивановцы не знают нужды в патронах, снарядах, одежде и продовольствии, как это было 25 лет назад.

Не щадя крови своей, отстаивают родину советские воины; бесстрашно дерутся ивановцы, затаив в сердце лютую ненависть к врагам. И в грохоте Великой Отечественной войны, в отчаянных битвах с фашистским зверьем, сквозь ураганный огонь и пороховой дым встает живой облик Фурманова, обаятельного человека, мудрого большевика, бесстрашного защитника чести своей родины, прошедшего жизненный путь с боевой винтовкой и не менее боевым пером.

8/12 8846

23/12 3944

13/12 1046

1 р. 40 к.

